

УДК 821.113.4-053.6

ББК 84(4Дан)-44

Р65

Ройтер, Бьярне.

Р65 Кольцо принца Файсала : [для сред. и ст. шк. возраста : 12+] / Бьярне Ройтер ; пер. с дат. Евгении Савиной ; худож. Олег Пахомов. — М. : КомпасГид, 2019. — 576 с. : ил.
ISBN 978-5-00083-569-2

Исторический роман, от которого не оторваться. Мир XVII века, каким его воссоздал наш современник. Пиратские нравы, рабовладельческие суда, очарование странствий — и всё это от первого лица, как в крутой видеоигре. Вот какая удивительная книга у вас в руках!

Том Коллинз заглядывает в морскую пучину. И ловит там взгляд — пронзительный, завораживающий. С этого начинаются приключения 14-летнего паренька с карибского острова Невис. Конечно, это взгляд русалки — скульптуры с носа затонувшего корабля. За нее цепляется, спасая свою жизнь, человек, называющий себя Благочестивым. Именно он отдаст в собственность Тому «половину» темнокожего раба по имени Бибидо. И не просто раба — принца, будущего вождя могущественного племени. Герой отправится через полмира к островам Зеленого Мыса, чтобы вернуть Бибидо на родину. Впереди у него схватка с акулой, побег с сахарной плантации, дружба с легендарным пиратом Буллем и другие захватывающие приключения.

Бьярне Ройтер (родился в 1950 году) — известный датский писатель и сценарист, чье творчество вот уже более сорока лет находит все новых и новых поклонников. Его книгой «КомпасГид» открывает серию современных исторических романов — напоминающих великую классику, но принадлежащих нашему веку и по духу, и по языку. «Кольцо принца Файсала», перевод которого на английский язык снискал большую популярность, был номинирован на премию имени Х. К. Андерсена.

УДК 821.113.4-053.6

ББК 84(4Дан)-44

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения издательства «КомпасГид».

Originally published under the title Prins Faisals Ring by Bjarne Reuter
© Bjarne Reuter & Gyldendal, Copenhagen 2000. Published by agreement with Gyldendal Group Agency.

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2019

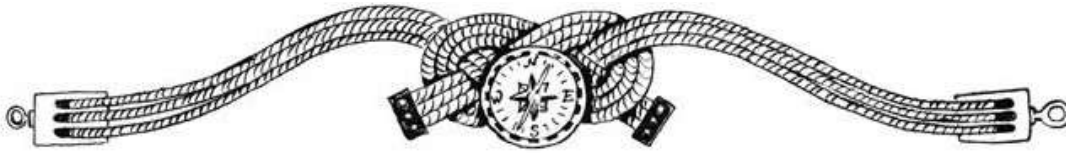
ISBN 978-5-00083-569-2

Посвящается Филиппу, Андерсу,
Анне-Софи и Максусу

Часть I

Глава 1. Том Коллинз

В 1639 году от Рождества Христова у берегов Сент-Кристофера перевернулся и канул в пучину со всеми, кто был на борту, португальский галеон. На своем пути из Африки в Новый Свет судно попало в шторм, потом на борту вспыхнул мятеж, и курс корабля изменили. Дальнейшая судьба команды и четырех сотен рабов, которых везли на продажу в Бразилию, осталась неизвестной, но слухи о кораблекрушении со скоростью порохового огня разнеслись по всем островам Карибского моря. Каждую ночь мужчины и женщины, молодые и старые отправлялись в море на охоту за богатствами затопленного галеона, и фонарики на их утлых лодчонках мерцали подобно тысячам светлячков во мраке ночи.

Затонувший трехмачтовый корабль являл собой роскошный образчик судна с полным парусным вооружением, поражающий своей величиной, красотой и изяществом. Остались же от него лишь рябь на воде, всплывшая фигура, некогда украшавшая нос корабля, да два жалких оборванца. Вот о них-то и пойдет речь в нашей истории. И еще, конечно же, о Томе Коллинзе,

парнишке четырнадцати лет, который родился и вырос на Невисе, крошечном островке, известном своими затяжными тропическими ливнями и древним потухшим вулканом, чей конус с маленькой белой оборкой наверху возвышался в самом центре острова.

Семья Коллинзов состояла из трех человек. Кроме Тома были еще его мама и его сводная сестра, Теодора, которая была на год старше брата.

Все они работали в небольшой таверне в одной из гаваней острова. Хозяин таверны, сеньор Лопес, взял мать Тома к себе в услужение, когда ее первый муж, отец Теодоры, погиб на дуэли. Второй ее муж, ирландец, скончался от лихорадки, когда Тому было всего два года.

Теперь же вдова целиком и полностью зависела от сеньора Лопеса, и бедной женщине приходилось уповать лишь на усердие своих детей. Жили они довольно неплохо: имели крышу над головой, каждый день получали еду и в лохмотьях не ходили, но, едва встав на ноги, Том каждую свободную минуту проводил на побережье, в надежде найти сокровище, которое освободило бы его семью от грубого хозяина.

Эта история началась в одну из темных сентябрьских ночей, когда на море вовсю бушевал шторм.

Том как раз закончил протирать столы и прикрыл дверь в заднее помещение, где сеньор Лопес ругал его маму за низкую выручку. Тому было прекрасно известно, что мать никогда и думать не смела о том, чтобы кого-то надуть, тем более их хозяина сеньора Лопеса. Каждую неделю она и Теодора мыли хозяину ноги, терли спину, стригли ногти и бороду, вылавливали в голове вшей. Они давали ему отвар из пижмы — от глистов,

из душицы — для улучшения пищеварения и красное вино — для поднятия настроения.

— Уж кому, как не мне, знать про твою страсть к деньгам, — брюзжал хозяин. — Твое сердце гложет ненасытный огонь алчности. Ты ничем не лучше остальных, а твоя наглая девчонка скоро распугает мне всех клиентов своим острым языком и надменным нравом. Придется закрывать трактир и искать другие средства на пропитание. А уж что тогда станет с вдовой Коллинз и ее двумя щенками — только Богу известно!

— Что вы, сеньор Лопес, ваша таверна настоящее золотое дно, — возражала мать Тома. Стоя позади трактирщика, она расчесывала гребнем его шевелюру.

Сам сеньор Лопес, обложившись подушками, восседал в кресле, которое приходилось переделывать по три раза в год, чтобы уместить в нем весьма объемистую заднюю часть хозяина.

— Золотое дно, скажешь тоже, — пропыхтел испанец, расстегивая воротничок, — да что ты знаешь о расходах, которые мне приходится нести, а уж сколько моя таверна натерпелась от спекулянтов, и подумать страшно! Ко всему прочему Бог наградил меня слишком мягким и нерешительным нравом, чем ты и твое отродье пользуетесь почему зря.

Том возмущенно тряхнул головой и принялся водружать стулья на столы, чтобы вымыть пол.

— А твоей доченьке нынче снова вздумалось мне перечить, — продолжил Лопес. — Это мне-то, ее единственной защите от нищеты и болезней! А ведь я денно и ночью забочусь о ней, равно как и о ее матери и брате, этом чертовом ирландце, в чьих глазах живет сам дьявол. Клянусь, он дышит жабрами! Он так долго торчит под водой, что его и без того отвратительная рожа становится зеленой, как у жабы. Пригрел змею на груди, нечего

сказать. Я теперь даже по ночам плохо сплю. Кто знает, что этому малому взбредет в голову, покуда добропорядочные люди почивают в своих постелях.

— Сеньор Лопес может спать спокойно, ему ничего не грозит, — попыталась утешить хозяина мать Тома.

— Нет, я не могу спать спокойно, — визгливо отозвался сеньор Лопес. — А хуже всего эти его истории, которые он мастак выдумывать. Ложь от начала и до конца. Стоит ему только открыть рот, как из него льется нескончаемый поток лжи.

— Том — хороший мальчик, и вы отлично это знаете, сеньор. Просто у него очень живое воображение, но это совсем не то, что ложь.

— Он — хулиган, а его сестра — наглая язва и вдобавок корчит из себя невесть что.

— Я поговорю с Тео, сеньор Лопес.

Мамин низкий спокойный голос, как правило, действовал успокаивающе на толстяка-хозяина.

Острый язычок Теодоры постоянно становился темой для подобных разговоров. И Тому это нравилось. При мысли о том, что его сводная сестрица скоро получит очередной нагоняй, у него тут же поднялось настроение, и, когда он шел запирать дверь таверны, на его губах играла улыбка.

— А ведь у нее-то был отец-испанец, — продолжал между тем Лопес.

— В этом-то и беда, — пробормотал Том. Он как раз собирался потушить свечу на стойке, когда в дверь постучали.

Том вздохнул и бросил взгляд на полоску света, отделявшую темную залу таверны от хозяйских покоев, где в двух массивных канделябрах всегда горели свечи, потому что хозяин боялся

темноты и даже спал, вцепившись зубами в рукав своей ночной рубашки.

Том приблизился к входной двери и тихо, но решительно произнес, что таверна закрыта. Стук раздался снова.

— Сказал же, мы закрыты. Приходите завтра.

Дверь в хозяйские покои приоткрылась.

Том оглянулся. Мать мыла ноги сеньору Лопесу. Сам же толстяк сидел, уставив на Тома свою трость в серебряной оправе.

— Ты, ирландский пес, — рявкнул он, — открывай, когда за дверью посетитель. На что мы жить будем, подумал?

Том пожал плечами и открыл. Ночь была угольно-черной, и только море слабо светилось в темноте. Человек, стоявший за дверью, был плотно закутан в черные одежды, однако Том сразу узнал бездомную старуху Самору. Говорили, что ей лет двести, не меньше. Сама же она утверждала, что видела, как океан появился изо рта лягушки, той самой лягушки, которая была началом всех начал и которая одарила Самору своей великой мудростью, а в придачу еще и подернутым молочно-белой пленкой глазом, который умел видеть людей насквозь. Жила она тем, что готовила странные мази, облегчала запоры и врачевала людские раны. За бутылочку домашнего вина она могла предсказать моряку, ждет его любовь или несчастье. Однако всем было известно, что в молодые годы Самора была хорошей повитухой и даже помогала Элиноре Коллинз при родах Тома.

Самора уселась за ближайшим столом и попросила кувшин воды.

— Просим прощения, но деньги вперед, — последовал ответ от хозяина, который распахнул дверь своей тростью и теперь заглядывал в зал.

Том зашел за стойку, где стояло ведро с водой, которой он только что мыл столы. Он не собирался раздавать свежую питьевую воду направо и налево, и уж тем более Саморе, которая редко платила, а сейчас вдобавок мешала ему отправиться в море до того, как появятся другие охотники за удачей.

Том перелил грязную воду в глиняный кувшин и поставил его перед старухой. Та усталым движением отбросила капюшон, обнажив загорелую, почти лысую голову. Один глаз у нее почти все время был закрыт, а второй, подернутый молочной пленкой, взирал на Тома с каким-то странным выражением.

Трясушимися руками Самора схватила кувшин и одним махом осушила его.

— Том Коллинз, — вздохнула она, утираясь ребром ладони, — а ведь твой отец был мне должен.

Самора частенько бормотала подобные вещи, так что уже никто не обращал на них внимания.

— Но нас с тобой это не касается, мой мальчик. Где твоя мать?

— Она у сеньора Лопеса, а таверна закрыта.

— Твоя мать никогда не отказывала мне в стаканчике винца из того бочонка, куда сливают все то, что не допили посетители. Но, быть может, ты сам уже все выпил? Как же ты все-таки похож на своего отца. И все так же не в ладах со своей сестрой? Да, не в ладах, Том, не в ладах. Ты ненавидишь испанцев, а она на дух не переносит твою ирландскую кровь. Я вижу это по твоим зеленым глазам. Ну же, давай-ка, налей мне стаканчик, и мы побеседуем о твоём отце. Он умел постоять за себя. Проклятая лихорадка свела его в могилу. Да здравствует мудрец Гиппократ, учивший, что лучший друг всякой заразы — наши собственные суеверия. Заруби себе это на носу, юный Том. Воля Божья

не имеет ничего общего с лихорадкой, а чума происходит от крыс. А теперь подавай вино на стол!

Том скрестил руки на груди.

— Если хочешь вина, сначала заплати.

— И то верно. Я расплачусь с тобой, Том.

— Чем?

Самора огляделась по сторонам. На ее бледных губах заиграла едва заметная улыбка. Том бросил взгляд на ее сторбленную тень, косо легшую на потолок.

— Ветер, — прошептала Самора, — странный ветер дует этой ночью. То с востока, то с запада, кружит вихрем по морю, а ряби не оставляет. Знаешь, как прозвали такой ветер? Люди зовут его Бризом Желаний. Он дует напрямиком из распахнутого рта Судьбы, и тем, кто умеет слушать, он может многое рассказать. В такие ночи, как эта, встречаешь своего Создателя.

Молочный глаз Саморы скользнул по Тому.

— У Судьбы всегда два сжатых кулака, ибо в ее руках нити тех дорог, одну из которых тебе предстоит избрать. Вопрос только в том, какую руку ты выберешь, мой дорогой Том.

Том вздохнул и покачал головой.

— Протяни мне свою руку, юный Коллинз.

— Нет уж, спасибо.

— Надо быть смелым, чтобы узнать, что написано у тебя на ладони. Но, полагаю, ты уже достаточно взрослый, чтобы услышать, что тебя ждет. Твой отец был храбрецом. Чересчур горячим и вспыльчивым, но храбрецом.

— Я знаю.

— Меня, видевшую, как море и земля превращаются в огонь, едва ли ждет что-то хорошее, но, сдается мне, *твоя* судьба отличается от участи других людей.

— Вот как?

С неожиданной силой Самора вдруг стиснула Тому запястье. Ее молочный глаз впился в него, как колючка.

— Стаканчик, всего за один-единственный стаканчик вина я поведаю тебе всю твою жизнь.

— Отпусти руку, Самора.

— Всего один стаканчик из Бочонка Остатков, куда твоя сестра сливает недопитое посетителями вино, процеживая его через красную прожженную скатерть, чтобы очистить от объедков, табачных крошек и всякой заразы. Ах, знавала я в жизни угощения! Ты ведь знаешь, Том, я повсюду бываю. Видала я людей, умерших от пьянства, матросов, скатившихся на самое дно и повешенных на той же веревке, что не раз спасала им жизнь во время океанских штормов. Твой же путь, Том Коллинз, тернист и сложен и заведет тебя далеко, гораздо дальше, чем тебе самому этого захочется. И если когда-нибудь тебе покажется, что ты зашел в тупик, вспомни мои слова: на Ямайке есть кабачок, прозванный в народе «Сапогом Люцифера». Когда все другие возможности будут исчерпаны, ты найдешь там то, что ищешь, ибо «Сапог» — это настоящее кладбище заблудших душ. Там знают цену Бочонку Остатков и никогда не откажут страждущему в глоточке вина. Но я на тебя зла не держу. Дай мне твою правую руку, Том. Левая здесь не годится, ибо в ней ты держишь меч — оружие смерти. Потому что ты левша, не правда ли, Том Коллинз?.. Это было сразу понятно, едва ты покинул чрево своей матери, такой же рыжеволосый, как и сейчас. Но, быть может, тебе все равно и ты не хочешь узнать о том, что тебя ждет?

Том не ответил, но попятился к стойке и, разыскав чистый кувшин, наполнил его из Бочонка Остатков, украдкой поглядывая на дверь, ведущую в хозяйские покои.

Самора опрокинула в себя вино с той же скоростью, что и воду. Ее зрачок внезапно расширился и разорвал молочно-белую пелену; больной глаз неожиданно вспыхнул и стал черным, как ночное небо над крышей таверны.

— Теперь положи свою руку на стол, Том, и сожми ее в кулак. Крепко сожми, до боли, чтобы побелели костяшки пальцев.

Том во все глаза уставился на свой кулак, белевший прямо на глазах, и почувствовал боль. Рука дрожала так, что под ней трясся стол.

— Еще немного, Том, еще немного.

— Я... больше... не могу.

— Можешь.

В глазах у Тома потемнело. Он чувствовал, что задыхается, и поднял кулак, словно собираясь ударить старуху по лбу.

— Вот так, Том, — прошептала гадалка, — теперь разожми кулак и положи ладонь на стол.

Обессиленный Том упал обратно на стул.

— Твоя ладонь, Том, — тихо заговорила Самора, — подобна морской карте, на которой нанесено будущее. По ней ты можешь выбрать, каким курсом тебе плыть. Зная свои возможности, предостерегающие тебя опасности и короткие пути, ты сможешь выбрать правильный курс для своего корабля и стать на нем единоличным капитаном. Слушай и запоминай, Том. Каждое мое слово, сказанное этой ночью, накрепко засядет в твоей голове. Ни одно не будет забыто.

Том откашлялся.

— Расскажи мне, что ты видишь? — попросил он.

— Что ты упрямый сорванец, Том.

— Да, так говорят, что еще?

— И честолюбивый малый. Ты хочешь быть богатым, страшно богатым. Но ты печешься не только о себе. Ты хочешь выволить из этого дома свою мать.

— Это всякий знает.

— В глубине души, — продолжила Самора, — в самой глубине души ты также хочешь выкупить свою сводную сестру.

— Вот тут ты ошибаешься, — огрызнулся Том, — пускай эта испанская крыса сама о себе хлопочет.

Самора сильно наклонилась вперед, так что почти легла на стол.

— Что получится, если смешать глоток благородного вина, крепкого рома и чистойшей ключевой воды?

Том закрыл глаза и покачал головой.

— Нечто непригодное для питья. Бурда, короче.

Ответ, кажется, развеселил Самору.

— Ты только что описал сам себя, Том Коллинз, — старуха хрипло расхохоталась.

— самого себя? Это что, загадка такая или ты просто шутишь?

— Ни то и ни другое. На твоей ладони я вижу косую линию, говорящую о благородстве крови, треугольник непорочности и две параллельные линии подлости. В твоих жилах намешаны голубая кровь аристократа, ключевая вода и бурлящая кровь пирата. Как ты и сказал — самая настоящая бурда.

— Что за вздор ты несешь, — фыркнул Том. Уж он-то знал своих предков: ни пиратов, ни аристократов среди них не было. Однако чистую ключевую воду он воспринял благосклонно.

Самора улыбнулась.

— Расскажи мне, какие планы у тебя на эту ночь?

— Я думал, ты сама мне об этом расскажешь, но раз ты спрашиваешь, то изволь — мои планы все те же, что и пять прошедших ночей подряд.

Самора ободряюще кивнула ему, и Том, понизив голос, рассказал ей о своих поисках на море. О своих долгих головокружительных погружениях и о надежде найти сокровище с затонувшего корабля, которое сможет изменить жизнь его семьи. Все его мечты были об одном: как он сполна рассчитается с сеньором Лопесом, а на прощанье отвесит ему такой крепкий пинок под зад, что тот уже навряд ли когда сядет.

— Сокровища, значит, — поддразнила его гадалка, — доски, подсвечники и пушечные ядра. В море полно этого добра. Да еще фарфор, какого ты никогда и не видывал, драгоценности, сияющие так, словно их сорвали прямо с ночного неба, башмаки с золотыми пряжками... А еще рубины и алмазы, которые сверкают, словно клык в пасти пирата.

В таверне стало тихо. Том откашлялся.

— Какого еще пирата? — пробормотал он.

Гадалка усмехнулась:

— Единственного достойного упоминания. Ч. У. Булля.

— Ты видела его? — прошептал Том.

— Я все видела, Том, и увиденное сделало мой глаз белым, а мой земной путь — тяжелым. Для верности все же стоит добавить, что клык тот не из благородных камней. Это всего лишь прогнивший зуб.

— Ты имеешь в виду того самого Ч. У. Булля?

— А тебе интересно, Том?

— Так ты видела его или нет?

Гадалка довольно зачмокала.

— Я даже сидела с ним за одним столом. Его бриг бросил якорь в миле от Гренады. Меня позвали к нему, и мы распили с ним лучший ром, который я когда-либо пробовала... Капельку его я до сих пор храню в дупле своего зуба. Белый, как зубик у ребенка, ром был сварен из отборнейшего сахарного сиропа.

— Ворованный, полагаю?

— На судне Булля ничто не было ворованным, — отгрызнулась Самора. — У него даже ремень был сделан из человеческой кожи, а гребень для волос он вырезал сам из кости одной немецкой графини, чье мясо было засолено и съедено каннибалами, которые служат на борту. Когда я увидела Булля, он был совсем без одежды, голый, закутанный лишь в свой любимый флаг, черный, тот самый, где капитан чокается со Смертью в образе скелета. Как ты понимаешь, Булля продал свою душу дьяволу.

— Жаль, что они тебя не съели, — фыркнул Том.

— Да что тут есть, кожа да кости, а команда капитана Булля любит что помясистее.

Том зачарованно уставился в пространство.

— А он в самом деле так ужасен, как о нем говорят?

— Он — худший из твоих ночных кошмаров, а в его команде собраны самые кровожадные пираты, которые когда-либо бороздили просторы семи морей. Их всего тридцать девять, и у всех, от штурмана до кока, по девять пальцев на руках. Капитан показывал мне свою коллекцию. Она хранится у него в каюте в специальном шкафчике, где за дверкой на крючках висят все тридцать девять отрубленных черно-синих пальцев.

Том уставился в потолок, мечтательно улыбаясь.

— Но теперь послушай-ка, что я тебе скажу, Том Коллинз, — прошептала Самора, — послушай и хорошенько запомни, потому что и тебя настигнет искушение.

— Искушение?

— Да, искушение. Твоя вечная страсть к золоту скоро даст о себе знать, но ты не поддавайся. Вместо этого лучше вспомни о тридцати девяти пальцах и подумай о тех тридцати девяти пиратах, которым суждено доживать свою жизнь с черной дыркой на руке. Эти люди никогда больше не станут прежними, ибо правду говорят, что в среднем суставе безымянного пальца моряка живет его страсть к золоту.

С этими словами старуха поднялась, обошла стойку и налила себе еще стаканчик вина. Затем она открыла дверь таверны и вышла в ночь, из самого сердца которой лился изумрудно-зеленый свет. То светилось само море.

— Знаешь ли ты, как появилась тьма? — спросила Самора. — Нет, не знаешь. Однажды, давным-давно, в мире не было ни тьмы, ни ночи, ни сна. Жизнь была подобна нескончаемому дню без тревог и волнений. Никто не считал часы и недели, не было границ между вчера, сегодня и завтра. И еще не ведая, что это такое, все живое грезило о черном покрывале ночи.

На этих словах Самора подмигнула Тому и продолжила мягким, почти усыпляющим голосом:

— И тут появился зеленый пеликан, а он, как тебе, должно быть, известно, умнейшая птица. Он прослышал о том, что бывают сумерки и рассветы, и выхватил из речного потока ночь, и принес ее в мир. Тут появились тукан, колибри и попугай, а следом за ними — броненосец, муравьед и тапир, и наконец

пришел пятнистый ягуар, хищник, что охотится в ночи. И представь себе, Том, он съел этого зеленого пеликана. Вот почему у нас есть ночь и день и почему никто из людей никогда не видел зеленого пеликана. То, что ушло, уже никогда не вернется обратно. Поэтому береги свой безымянный палец, Том Коллинз.

— И это все, что ты можешь сказать четырнадцатилетнему парню? — недовольно проворчал Том и сплюнул.

— Да, — пробормотала гадалка и натянула капюшон на голову, — это плата за твою грязную воду, и, кстати, четырнадцать тебе исполнится только в ноябре. Ложь липнет к твоему языку, Том, но плюешься ты далеко, так что, глядишь, и правду выплюнешь. Хотя тебе это простительно. Когда ты родился, на пристани в бухте лежали семь крокодилов. Чтобы умилостивить их, мы кидали в воду рыбу. Они бросились за ней в море, только пятеро выжили в драке.

Самора поглубже надвинула капюшон и вздохнула.

— Прощай, юный Коллинз, — сказала она, — никогда не слушай геккона и остерегайся Пояса Ориона, ибо это единственное из ночных созвездий, что желает тебе зла.

